

© Э.Г. Александренков

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗЛИ МЕТИСЫ НА КУБЕ?

Ключевые слова: индейцы, испанцы, Куба, метисы, рабы из Африки

Начальная испанская иммиграция на Кубу была преимущественно мужской. Зависимое положение аборигенов позволяло испанцам почти беспрепятственно брать себе местных женщин в качестве наложниц. Когда резко упала численность аборигенов, на остров стали ввозить рабов из Африки. Это тоже были в основном мужчины, и они, несмотря на запреты властей, вступали в связь с туземными женщинами. Африканки и их дочери становились сожительницами (реже женами) испанцев. Таким образом создавались условия для появления и постоянного роста смешанного населения. Как результат сокращения численности аборигенов и увеличения количества иммигрантов из Испании и привезенных из Африки рабов, значимость потомков испанцев и туземцев в структуре населения острова стала уменьшаться, и сейчас на Кубе, в отличие от некоторых других стран Америки, нет социально признанной категории “метисы”.

В разных странах Латинской Америки метисация давно рассматривается некоторыми исследователями и политиками как значимое для истории континента явление — “базисное американское явление”, по словам кубинского автора (*Lamar Schwyer* 1929: XIV). “Метисными” объявлялись как отдельные народы или страны (*Leon-Portilla* 1979), так и обширные регионы Латинской Америки (*Gillin* 1949). Российский историк Я.Г. Шемякин на последнем форуме американистов утверждал, что “именно метисация определила главные черты человеческого мира Латинской Америки” (*Шемякин* 2018: 84).

За этими общими и очевидно неоспоримыми положениями теряется то обстоятельство, что в отдельных областях смешение людей, носителей разных физико-антропологических (и социокультурных) характеристик, имело свои особенности, и результаты этого смешения по-разному оцениваются нынешними обитателями Латинской Америки. Так, в Перу есть пословица “У кого нет от инки, есть от мандинги” (*El que no tiene de inga, tiene de mandinga*) (*Alcocer Martínez* 2004). Инки — одна

Эдуард Григорьевич Александренков | <http://orcid.org/0000-0003-2139-7353> | ed_alex@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела американских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Статья публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

из групп доиспанского населения Перу; мандинга — одна из групп африканских рабов, привезенных в страну в колониальное время. Таким образом, признается, что нынешний перуанец будет иметь среди своих предков, помимо подразумеваемого испанца, либо аборигена, либо африканца. Сходную фразу можно услышать на Кубе: “От мыса Сан Антонио до мыса Маиси — у кого нет от конго, есть от карабали” (*De cabo de San Antonio hasta punta de Maisí, quien no tiene de congo tiene de carabali*). *Cabo San Antonio* — самая западная точка Кубы, *Punta de Maisí* — самая восточная. Конго и карабали — названия групп африканских рабов и их потомков на Кубе. Кубинская пословица, следовательно, признает наличие африканских предков у современных кубинцев и, в отличие от перуанской, “молчит” об аборигенном элементе. Ниже я попытаюсь показать, почему так случилось.

С конца XV в., когда европейцам стали доступны земли Нового Света, там происходило массовое и интенсивное смешение разных людей; агентами этого процесса были коренные обитатели Америки, а также иммигранты из Европы, Африки и — позже — Азии. Одной из причин была преимущественно мужская иммиграция: на протяжении всего колониального господства доля женщин среди прибывавших из Испании составляла 10%, среди “негров” их было менее трети (*Moreno Navarro* 1969: 204–205). Зависимое положение аборигенов, особенно в начале колонизации испанцами Нового Света, позволяло завоевателям почти беспрепятственно брать себе местных женщин в качестве наложниц. Позже в сходной ситуации оказались африканки и их дочери. Что касается темнокожих мужчин, то, несмотря на запреты, они также вступали в связь с местными женщинами. Таким образом создавались условия для появления и постоянного роста смешанного населения.

Европейские завоеватели и колонисты называли всех туземцев Больших Антильских островов и остальной Испанской Америки “индейцами” (*indios*), о себе же говорили как об “испанцах” или “христианах”. Для общего обозначения смешанного европейско-аборигенного населения стали использовать слово “метис”, для европейско-африканского — “мулат”, для потомков от связей аборигенов и чернокожих выходцев из Африки — “самба”, “курибока” и некоторые другие (разные слова в разных частях Америки).

Особое обозначение для детей от брачных союзов испанцев и местных женщин появилось не сразу. В “Законах Бургоса”, упорядочивавших отношения между колонистами и аборигенами в испанских колониях Нового Света (1512–1513 гг.), его не было. В пространном документе, отразившем разделение аборигенов между испанцами на Эспаньоле в 1514 г., неоднократно упомянуты “дети христиан от уроженков острова” (CDI. T. I: 80–81, 98–99, 105–106). Судя по тексту, это были внебрачные дети, которые жили с матерями, находившимися в энкомьенде, и слово “метис” для их обозначения не использовалось. В королевском письме от 1533 г. касательно Новой Испании речь шла о большом числе детей испанцев от индейцев, “которые бродят потерянными среди индейцев, и многие из них по небрежению умирают, и их приносят в жертву”. О таких детях говорилось и в письме 1535 г., где речь шла об островах Кубагуа и Маргарита и области Кумана (*Konetzke* 1953: 147, 168).

Что касается Кубы, то ее захват и колонизация начались в конце 1510 г. По оценкам кубинского демографа, к тому времени на острове проживало более 100 тыс. аборигенов, по большей части на его востоке, а испанских завоевателей было около 300 человек (*Pérez de la Riva* 1972; *Le Riverend* 1965: 38). С началом колонизации Больших Антильских островов численность коренного населения стала быстро уменьшаться из-за невозможности демографического воспроизводства, чему не в последнюю очередь способствовало разрушение испанцами основ аборигенной семьи (*Александренков* 2016). Число испанских поселенцев поначалу росло, но после ряда экспедиций на материк сократилось на несколько тысяч (испанцы покидали Кубу в сопровождении слуг-аборигенов). Общему уменьшению населения острова

способствовала и эпидемия чумы 1530-х годов. В этот период имели место антииспанские выступления аборигенов, которые прекратились только к середине XVI в.

Все это время испанцы продолжали вступать в союзы с местными женщинами, теперь уже не только с туземками, но и с их дочерьми от испанцев. В 1534 г. губернатор острова сообщал в метрополию, что в испанских поселениях, которые он посетил, были испанцы, сожительствовавшие с индейками (своими служанками или рабынями) или с дочерьми испанцев и “женщин этой земли” (CDI-2. Т. 4: 339–340). Здесь дети от союзов завоевателей и местных женщин еще не обозначены специальным словом. Самое раннее упоминание метисов как детей испанцев и индейцев (*hijos de chripstianos é de indias*) мне встретилось в “Истории” Овьедо, впервые напечатанной в 1535 г. (*Fernández de Oviedo y Valdés* 1851: 101). Первое же упоминание слова “метис” в отношении обитателей Кубы я нашел в документе 1539 г., в котором говорилось (мимоходом) о “метисах, детях индейцев” (*mestizos hijos de indias*) (CDI-2. Т. 6: 82–83). Сходное выражение “метис, сын индейки” (*mestizo hijo de yndia*) было употреблено и несколько лет спустя, в данном случае с добавлением слова “незаконный” (*sin ser legítimo*) (CDI-2. Т. 6: 250).

К 40-м годам XVI в. демографическая катастрофа аборигенного населения островных владений Испании стала очевидна. В “Новых законах” 1542 г., одной из целей которых провозглашалось “хорошее обращение с индейцами”, аборигенам Сан-Хуана (ныне Пуэрто-Рико), Кубы и Эспаньолы был посвящен отдельный пункт. Повелевалось, чтобы индейцев, “что в настоящее время живы”, не беспокоили податями либо другими королевскими, частными или смешанными службами в большей мере, чем испанцев, живущих на островах. Повелевалось также оставить их “свободными от трудов, чтобы они могли лучше множиться и быть наставляемыми в делах католической веры” (Konetzke 1953: 216–220). Около 10 лет понадобилось, чтобы аборигены на Кубе, рабы и энкомендированные получили провозглашенную “Новыми законами” свободу (Александренков 2018: 188–189). Кубинский демограф Перес де Ла Рива полагал, что к тому времени на острове могло быть 5–6 тыс. индейцев (Pérez de la Riva 1972: 82).

Метисы как отдельный слой островного населения в “Новых законах” не упоминались. Не отмечены они были и в отчете о епископской инспекции поселений Кубы середины XVI в., где приведены количества проживающих в них испанцев, индейцев и “негров”. Тем не менее такая категория на острове была признана, о чем свидетельствует упоминание о том, что Васко Поркальо, один из завоевателей Кубы, отдал двух дочерей-метисок за знатных испанцев (CDI-2. Т. 6: 229).

Вторая половина XVI в. — время наиболее заметного присутствия метисов в жизни острова. Летом 1555 г. Гавана подверглась нападению французских пиратов. Им противостояли местные жители разного происхождения. В одном документе они названы “испанцами”, “неграми” и “индейцами” (CDI-2. Т. 6: 365–372). В тексте сообщения Городского совета Гаваны порядок перечисления постоянно меняется: “испанцы”, “метисы”, “негры” (CDI-2. Т. 6: 390); “испанцы”, “негры”, “индейцы” (CDI-2. Т. 6: 390); “испанцы”, “негры”, “индейцы”, “метисы” (CDI-2. Т. 6: 402, 409, 416) и “испанцы”, “индейцы”, “негры”, “метисы” (CDI-2. Т. 6: 402, 409, 416). На основании такого использования слов, обозначавших основные группы защитников города, можно сделать вывод, что на Кубе того времени некоторые испанцы не проводили различия между индейцами и метисами.

В 1569–1570 гг. обход своей епархии на Кубе совершил епископ Хуан де Касильо. В его отчете о жителях посещенных поселений сообщалось об индейцах, а метисы названы не были (Papeles 1931. Т. 1: 217–225). Однако в анонимном дополнении к отчету говорилось, что на острове не осталось ни одного индейца, а большинство населения составляют метисы и “негры” (Papeles 1931. Т. I: 226). Скорее всего, взаимозамещению двух категорий населения, “индейцев” и “метисов”,

способствовало то, что между ними не было явных различий — физико-антропологических или культурных. Кроме того, наметилась тенденция, которая будет еще более очевидной в XVIII в.: епископ, составлявший списки жителей поселений на местах (и, очевидно, использовавший местные названия), употребил слово “индеец”. Тот, кто его комментировал (т.е. находился вдали от объекта описания и излагаемых событий), использовал слово “метис”.

Число людей, называемых на Кубе индейцами, продолжало уменьшаться. В то же время росло общее количество обитателей острова за счет выходцев из Испании, рабов, привезенных из Африки, и их потомков, родившихся на Кубе, в т.ч. от смешанных союзов — теперь преимущественно испанцев с “негритянками” и мулатками. По подсчетам А. Росенבלата, в 1570 г. на Кубе было 1350 индейцев, 1200 “белых” и 15 тыс. “негров”, метисов и мулатов (Rosenblat 1954: 88).

Уменьшалась значимость индейцев в жизни колонии. В “Ордонансах”, составленных в 1574 г. для управления Гаваной и всей колонией, о них шла речь лишь в двух пунктах, в то время как о “неграх” (рабах и свободных) — в 15 (Ordenanzas 1905), метисы и вовсе не упоминались. То есть юридически индейцы существовали и в жизни колонии продолжали играть некоторую роль. Так, в начале 1582 г. в связи с угрозой нападения французов и англичан губернатор Кубы разослал “по всему острову” распоряжение быть готовыми и направить ему список людей, пригодных к боевым действиям, — не только испанцев, но и метисов, мулатов и индейцев. Он также упомянул, что в поселении индейцев Гуанабакоа (недалеко от Гаваны) были “добрые молодцы” (*buenos moços*): индейцы, мулаты и метисы, из которых он набрал отряд около 50 человек (Papeles 1931. Т. 2: 93).

Список мужского населения Гаваны и Гуанабакоа, составленный в том же 1582 г., разделен на несколько групп и дает представление о месте “метисов” в структуре населения острова. Первая группа, около 50 человек, — “особые граждане”, на которых можно положиться: это в основном испанцы, но есть и португальцы (4 человека). Вторая — холостяки, сыновья и родственники “особых граждан”. Третья — люди, живущие “своим трудом”, четвертая — их сыновья. Члены пятой группы обозначены как те, кто не был полноправным поселенцем (*estantes de la tierra*), их около 50 человек. Шестую, приблизительно 25 человек, составляют “негры” (свободные). Последняя группа, 40 человек, — “индейцы”. В Гуанабакоа нашлось 11 испанцев и 45 индейцев (Papeles 1931. Т. 2: 182–185).

Метисы Гаваны не были выделены в отдельную группу: некоторые из них (среди которых был метис-галисиец) попали в третью группу, больше всего (16 из 29) — в четвертую и несколько человек — в пятую. Очевидно, что отцы метисов четвертой группы (те, что “жили своим трудом”) жен находили чаще среди индеанок и метисок, чем среди испанок. В Гуанабакоа в списке мужчин не оказалось метисов, хотя в другом документе того же времени они названы.

Приведенные выше документы 1582 г., как и более ранние 1555 и 1569–1570 годов, не говорят о критериях, по которым разделялись “индейцы” и “метисы”. Очевидно, что это не были элементы хозяйства, материальной или духовной культуры в целом. Об этом можно судить по обращению индейцев г. Тринидад к губернатору острова в 1562 г., где они предстают не только как люди, ведущие такое же хозяйство, что и соседние испанцы, но и как католики и патриоты своего поселения, когда-то образованного испанцами (Zerquera y Fernández de Lara 1977: 87–88). Едва ли те, кого на Кубе тогда называли метисами, думали иначе, чем индейцы. Видимо, разделителем между “индейцами” и “метисами” могла быть только традиционная идентификация, выраженная в названии и самоназвании. Но если в начале колониального периода метис легко определялся как отпрыск испанца и индеанки, то, когда оба родителя (испанец/испанка и индеанка/индеец) сами уже могли быть

“мешаными”, такое различие становилось затруднительным. Видимо, поэтому термины “метис” и “индеец” могли быть взаимозаменяемы.

Два важных факта говорят о том, что в конце XVI в. “метисы” не рассматривались как особый слой населения острова. Когда в церквях были заведены книги записей крещений, браков и смертей отдельно для испанцев, “негров”, мулатов и в некоторых случаях, индейцев (*Leiseca* 1938: 44), подобных книг для метисов не было. Когда в XVII в. на Кубе стали формироваться отряды ополченцев (*milicias*) отдельно из испанцев, свободных “негров”, свободных мулатов, а в некоторых районах на востоке острова из индейцев, среди них не было отрядов метисов.

Что касается тех людей, которые считались индейцами, они в представлении властей (в данном случае церковных), не были “чистыми”. Так, епископ Альтамирано в сообщении королю (сентябрь 1608 г.), обозначив Гуанабакоа как “поселенье индейцев” (*pueblecillo de indios*), написал, что его жители “наполовину обиспанены” (*medio españoles*). “Обиспаненными” он назвал и обитателей Баракоа. Индейцы, по его словам, жили и в предместьях испанских поселений Пуэрто-Принсипе, Баямо и Сантьяго-де-Куба. По мнению епископа, и там они были по большей части смешаны и “обиспанены” (*todos estén mezclados los mas y son ya como españoles*). В своем сообщении Альтамирано не выделил группу “метисы”, но отметил, что метисы и метиски всегда проживали в скотоводческих хозяйствах вместе с рабами, испанцами, “неграми” и “негритянками”, мулатами и мулатками (цит. по: *Marrero* 1976. Т. 3: 14–15).

Согласно сообщению 1620 г. епископа Армendarиса, в Баямо (с общим числом обитателей около 1500 душ) испанцы, индейцы, “негры” и мулаты были так смешаны, что, по его выражению, “с большей точностью” подсчитать их было нельзя. В Сантьяго-де-Куба, где проживало 250 испанцев, “негров” и индейцев, последних “смешанных с испанцами” было немногим более дюжины. В Пуэрто-Принсипе индейцев было около полудюжины, основную же массу жителей составляли испанцы, “негры” и мулаты. Население Санкти-Спиритуса, общим числом 200 человек, — это “негры” и мулаты (по выражению Армendarиса, “с той же смесью, о которой говорилось выше”) и шестеро или семеро индейцев. В Тринидаде, писал епископ, из 150 человек большинство составляли потомки индейцев и мулатов, в Гуанабакоа — потомки индейцев, но здесь проживало и несколько “смешанных испанцев”. Несмотря на подчеркивание смешанности населения в разных районах Кубы, Армendarис употребил слово “метисы” только в одном случае, при описании Вилье-дель-Кайо: здесь из 50 душ большинство, по его мнению, составляли мулаты, метисы и португальцы (*Documentos* 1973: 567–570). Обращает на себя внимание использование еще одного термина для обозначения потомков аборигенов — “потомки индейцев”. Что-то помешало Армendarису назвать эту часть обитателей Гуанабакоа “индейцами”. Едва ли это было отсутствие элементов культуры, свойственных индейцам (в представлении епископа), видимо, были уже размыты и монголоидные черты. Говорить об индейских предках епископа побудил, скорее всего, официальный статус населенного пункта — “поселение индейцев” (*pueblo de indios*). Примечательно также то, что он признал наличие на острове “смешанных испанцев”.

Выполняя королевское повеление сообщить, как обращаются с индейцами, оставшимися в пределах его епископата, Армendarис написал: “Поскольку нет больше индейцев на этом острове, что были бы настоящими индейцами, а те немногие, которых я упомянул, во всех поселениях уже смешаны с испанцами, с ними обращаются так же, как с остальными испанцами, и так же их наставляют” (*Documentos* 1973: 574).

Таким образом, очевидно, что в первой трети XVII в. при общем росте численности населения острова, главным образом за счет лиц, имеющих африканское и европейское происхождение, продолжался процесс смешения. И в этом смешении

растворялись физически (теряли те признаки, по которым прежде выделялись) индейцы. Так, в г. Тринидад в книге записей браков последние союзы между индейцами (*matrimonios de indios*) датируются 1671 г. (Zerquera y Fernández de Lara 1977: 87). Соотношение категорий населения в разных частях острова могло сильно различаться. В Баямо — крупном центре на востоке — в 1684 г. “белые” составляли 87,3, “свободные негры” — 1,3, “свободные мулаты” — 1,5, “индейцы” — почти 10%. На западе, в столице Кубы Гаване в 1691 г. прихожане “белые” и “негры” составляли 70,4 и 29,6% соответственно (Marrero 1976 Т. 3: 56–57). Как видим, в Гаване не названы мулаты, вероятно, отнесенные к “неграм”, и не было тех, кого можно было назвать индейцами.

В середине XVIII в. индейцы обитали преимущественно на востоке острова, в разных местах. Кроме того, в этой части Кубы имелось два официально признанных “поселения индейцев” (*pueblos de indios*) — Сан-Луис-де-лос-Канеес (или Эль-Каней), образованное в 1618 г., и Хигуани, образованное в 1701 г. Гуанабакоа на западе острова в 1743 г. утратило этот статус, получив новый — “испанская вилля”. В середине XVIII в. Кубу обошел епископ Морель-де-Санта-Крус. В Хигуани, где проживало 102 семьи общей численностью 588 человек, оказалась только одна семья, как он выразился, “цвета этой нации”, т.е. индейская. Проживало в поселении также несколько “белых”, но большую часть, как отметил Морель, составляли метисы. Сходное описание было дано и Эль-Канею: из более чем 500 человек, по словам епископа, лишь немногие сохраняли “цвет древнего происхождения”, в большинстве же своем жители поселения были метисами. В Баямо епископом отмечено три отряда (по 50 человек) индейцев-ополченцев, наряду с подразделениями “белых”, мулатов и свободных “негров”. Индейцы Гуанабакоа, по выражению Мореля, “кончились”, и их сменили люди “различных цветов” (Morell de Santa Cruz 1985: 39, 108, 114–115).

Несколько позже Н.Х. де Рибера писал, что осталось “немного индейцев, проживающих в Сан-Луис-де-лос-Канеес и Хигуани. Хотя в некоторых других пуэбло есть те или иные их [индейцев] потомки, все они — метисы, и их очень мало”. В Сан-Луис-де-лос-Канеес и Хигуани Рибера отметил два отряда ополченцев-индейцев. Тем не менее он был сторонником деления людей острова “по их цвету” на три класса: “белые”, “мулаты” и “негры” (Ribera 1975: 101, 122).

Подобное мнение о малой значимости индейцев на Кубе нашло отражение и в официальной статистике. Списки жителей первых общеостровных переписей 1770-х годов отметили в Эль-Канеес и Хигуани индейцев, общей численностью более 2 тыс. человек. Очевидно, это были в основном те же самые люди, о которых писали Морель и Рибера (считавшие их по большей части метисами). Примечательно, что в отчетах губернатора и епископа того времени, посланных в метрополию, индейцы поселений Эль-Каней и Хигуани исчезли. Сравнение трех документов (листов переписи и отчетов епископа и губернатора) показало, что лица, отнесенные в переписных листах к “индейцам”, в списках представителей власти попали в категории “белые” и “свободные мулаты”. Примечательно также, что в переписных листах не употреблено слово “метисы”, хотя там отмечены дети от смешанных браков: муж записан как *indio*, жена — как *blanca* (белая), сын и дочери — как *indios* (1 случай); муж записан как *blanco*, жена — как *india*, дети — как *blancos* (1 случай); дети *blanco* и *india* записаны как *indios* (1 случай) (Александренков 2018: 304–305). В 1775 г. в Ольгине были записаны 139 индейцев и было зафиксировано несколько смешанных браков: “белого” и индеанки (десять случаев), индейца и “белой” (три случая), мулата (*pardo*) и индеанки (два случая) и индейца и мулатки (один случай). При этом дети от отца индейца и матери “белой” были записаны как “индейцы”, а дети “белого” и индеанки как “белые” (Valcárcel Rojas 2015).

Вероятно, противоречие между данными опросных листов и официальной статистикой в случае Эль-Канея и Хигуани можно объяснить разными взглядами на их обитателей у тех, кто составлял списки на месте (местные служители церкви и представители власти), и тех, кто писал отчеты в метрополию (епископ и губернатор). Таким образом, списки отражали представление переписчика о принадлежности конкретного жителя к той или иной категории населения — представление, сложившееся и покоившееся, скорее всего, на местном коллективном мнении. То есть в Эль-Канея и Хигуани считали, что значительная часть их жителей была индейцами; при этом метисами не называли даже детей от смешанных браков. Епископу и губернатору, составившим для метрополии отчет о населении всего острова, наличие индейцев в нескольких местах, видимо, представлялось несущественным, и они этот факт не отметили.

Соответственно, индейцы Кубы не попали на страницы опубликованных переписей — ни самой первой, ни всех последующих. Они как бы исчезли из поля зрения колониальных институтов власти. Тем не менее на протяжении XIX в. в части поселений на востоке острова сохранялись группы или отдельные люди, которых в некоторых документах того времени (и, вероятно, в местах их проживания) называли “индейцами”. В XX в., после завоевания независимости Кубой, индейцы самого востока острова несколько раз описывались физическими антропологами и этнографами, в том числе российскими. Этнографы отмечали сходство в культуре индейцев и их соседей — других сельских жителей (Александренков 2018: 305–311), а физические антропологи находили разные степени смешения аборигенных и европеоидных черт как на основе соматических показателей, так и по анализу крови (Rivero de la Calle 1978: 161, 175). Недавние генетические исследования в разных областях Кубы (выборка 860 человек) обнаружили в образцах и с востока, и с запада острова следы аборигенных предков. В восточных провинциях их концентрация оказалась выше (10%), чем во всех остальных (5%) (Fortes-Lima et. al. 2018).

Сами индейцы востока Кубы и их соседи для обозначения лиц явно смешанного происхождения пользуются выражениями, в которых присутствует слово “индеец”: *indio trigueño* (смуглый индеец), *indio claro* (светлый индеец), *indio amulatado* (букв. “омулаченный индеец”, т.е. индеец с примесью мулата). Есть также сочетание *indio indio* (“индеец-индеец”) — видимо, в представлении говорящего “настоящий индеец”. Эти выражения мы слышали в 1982 г. в провинции Сантьяго-де-Куба. Там же по нашей просьбе был определен один из наших кубинских коллег Эрнан Тирадо как *mulato aindiado* (“обиндеечный мулат”, т.е. мулат с примесью индейца). В этом разнообразии терминов, используемых для обозначения наличия у индивида какого-либо неиндейского наследия, слова “метис” не было.

В других бывших испанских колониях в Новом Свете представления о потомках от союзов выходцев из Испании и местных женщин складывались по-разному. Так, в Санто-Доминго (нынешняя Доминиканская Республика), колониальная история которой была сходна с историей Кубы, это смешанное население не образовало особую группу со свойственными лишь ей самосознанием и названием. Доминиканский историк У. Толентино полагал, что одной из причин было резкое сокращение этого населения в период с 1503 по 1510 гг., когда смертность аборигенов была очень высокой. Толентино сослался на мнение Магнуса Мёрнера о том, что лица смешанного происхождения, в случае их малочисленности, имеют тенденцию к поглощению отцовской или материнской группой (Tolentino 1974: 95). В Мексике, где ввоз рабов из Африки не принял таких масштабов, как на Антильских островах, возникшая сначала обособленность метисов со временем исчезала, и они сливались либо с потомками европейцев, либо с аборигенами (Worman 1977: 351). В Перу в 2017 г. 60,2% опрошенных отнесли себя к “метисам”. В переписи этого года впервые был поставлен вопрос: кем чувствует или считает себя человек

“по своим обычаям и предкам”? Было предложено семь вариантов ответа. Можно было отнести себя к одной из существующих в Перу народностей или к группе людей с определенным цветом кожи или причислить себя к “метисам” (последний вариант). На вопрос отвечали лица, достигшие 12 лет (*Censo* 2017). Отметим, что в Канаде франкоязычные метисы не только сохранились, но и признаны конституцией как особая группа населения страны (*Баширов* 2018: 10).

* * *

На Кубе постоянное физическое смешение представителей разных “рас” и народов шло со времени ее завоевания испанцами. В начале колонизации острова аборигены, получившие название “индейцы”, отличались от пришельцев (главным образом испанцев) множеством визуально наблюдаемых характеристик (отсутствием привычной для европейцев одежды, монголоидными чертами, элементами материальной культуры, верованиями). Со временем различия в культуре между аборигенами и пришельцами стирались. В социальной сфере оппозиция “индейцы—испанцы”, обозначившаяся с самого начала, сохранялась, несмотря на появление “Новых законов”.

Судьба потомков от смешанных браков испанцев и индейцев складывалась по-разному. В некоторых случаях, даже если такой союз не был узаконен церковью, влиятельные отцы-испанцы могли закрепить за своими детьми от индейцев свои привилегии. При дальнейших браках таких детей с испанцами представление о них, как о метисах, могло утратиться. Сходные процессы должны были иметь место и в других слоях испанского по происхождению населения. Судя по списку потенциальных защитников Гаваны 1582 г., большая часть метисов происходила от связей, скажем так, представителей средних слоев испанцев с индейками и женщинами от смешанных браков. Физические черты, унаследованные от индейцев (свидетельство метисности), какое-то время могли сохраняться и проявляться в потомстве. Однако при массовом смешении населения, о котором неоднократно упоминается в источниках, через поколения эти признаки размывались или вовсе исчезали, и представление о метисности того или иного индивида могло сохраняться только в памяти. Но и оно со временем утрачивалось. Если потомки от союза испанца и индейки оставались в семье или в общине матери, они наследовали ее положение и становились “индейцами”. Другой группой, поглощавшей потенциальных метисов, были “мулаты”, ее увеличение поддерживалось ростом числа привозимых на Кубу рабов. Таким образом, потомки метисов растворялись среди испанцев (позже “белых”), индейцев и мулатов. Более того, общее число индейцев — необходимого компонента для появления новых метисов — на острове уменьшалось. В растущей массе населения страны метисы оказались столь малочисленны, что представление о них исчезло на бытовом уровне. К концу XVIII в. даже на востоке острова, в тех местах, где сохранялись сами индейцы или память о них, наличия метисов не отмечалось. О них в то время писали только столичные авторы, указывая при этом на их малочисленность. Причиной того, что смешанное индейско-испанское население (“метисы”) на Кубе не сохранилось как особая этносоциальная группа, стало, скорее всего, неуклонное сокращение “индейцев” (одной из сторон, необходимых для его воспроизводства) на фоне постоянного увеличения других социально признанных категорий — “испанцев” или “белых”, “негров” и “мулатов”.

Источники и материалы

Alcocer Martínez 2004 — *Alcocer Martínez A.* Lengua y sociedad: El que no tiene de inga tiene de mandinga // *LETRAS*. Año LXXV. 2004. Num. 107–108. P. 33–46.

- CDI – Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas de América y Oceanía, sacados en su mayor parte del Real Archivo de Indias. Madrid: Imprenta de Manuel B. de Quirós, 1864–1884.
- CDI-2 – Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar. 2-a serie. Madrid: Est. Tipográfico “Sucesores de Rivadeneyba”, 1885–1932.
- Censo 2017 – Censo 2017 // https://es.wikipedia.org/wiki/Censo_peruano_de_2017#Cuestionario
- Documentos 1973 – Documentos para la historia de Cuba. T. I. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1973.
- Fernández de Oviedo y Valdés 1851 – Fernández de Oviedo y Valdés G.* Historia general y natural de las Indias. T. 1. Madrid: Imprenta de la Real Academia de la Historia, 1851.
- Konetzke 1953 – Konetzke R.* Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica 1493–1810. Vol. I. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1953.
- Morell de Santa Cruz 1985 – Morell de Santa Cruz.* La visita eclesiástica. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1985.
- Ordenanzas 1905 – Ordenanzas municipales de la Habana y de los demás pueblos de la isla de Cuba por el oidor D. Alonso de Cáceres // *Carrera y Justiz, Dr. F.* Introducción a la historia de las instituciones locales de Cuba. T. II. Habana: Lib. é Imp. “La Moderna Poesía”, 1905. P. 255–300.
- Papeles 1931 – Papeles existentes en el Archivo General de Indias relativos a Cuba y muy particularmente a la Habana. T. I–II. La Habana: Imprenta “El Siglo XX”, 1931.

Научная литература

- Александренков Э.Г.* Кризис семьи аборигенов Больших Антильских островов (конец XV – первая треть XVI вв.) // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Материалы IX Международной научной конференции. Т. 2 / Отв. ред. Н. Пушкарева, Н. Мицюк. Смоленск; М.: Изд-во Смоленского гос. ун-та; ИЭА РАН, 2016. С. 169–171.
- Александренков Э.Г.* Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе (конец XV – середина XVI вв.). М.: ИЭА РАН, 2018.
- Баширов М.Б.* Франкоязычные метисы Канады: от дискриминации к признанию // Слияние двух миров: история, мобильность, статус жителей Нового Света до и после Колумба. Тезисы докладов и материалы симпозиума. VIII Международный американистский симпозиум (Санкт-Петербург, 3–4 декабря 2018 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 10.
- Шемакин Я.Г.* Метисация как основа цивилизационной идентичности Латинской Америки // Слияние двух миров: история, мобильность, статус жителей Нового Света до и после Колумба. Тезисы докладов и материалы симпозиума. VIII Международный американистский симпозиум (Санкт-Петербург, 3–4 декабря 2018 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 84–85.
- Fortes-Lima C. et al.* Exploring Cuba’s Population Structure and Demographic History Using Genome-Wide Data // Scientific Reports. 2018. Vol. 8. No. 11422. <https://www.nature.com/articles/s41598-018-29851-3>
- Gillin J.* Mestizo America // Most of the World / Ed. R. Linton. N.Y.: Columbia University Press, 1949. P. 156–211.
- Lamar Schweyer A.* La crisis del patriotismo. Una teoría de las inmigraciones. La Habana: Editorial Martí, 1929.
- Le Riverend J.* Historia económica de Cuba (segunda edición). La Habana: Editorial Nacional de Cuba, 1965.
- Leiseca J.M.* Apuntes para la historia eclesiástica de Cuba. La Habana: Talleres tipográficas de Carasa y Cía, 1938.
- Leon-Portilla M.* Etnias indígenas y cultura nacional mestiza // América Indígena. 1979. Vol. 39. Num. 3. P. 601–622.
- Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. T. 3. San Juan: Editorial San Juan, 1976.
- Moreno Navarro I.* Un aspecto del mestizaje americano: el problema de la terminología // Revista Española de Antropología Americana. 1969. Num. 4. P. 201–217.

- Pérez de la Riva J.* Desaparición de la población indígena de Cuba // Universidad de la Habana. 1972. Num. 196–197 (2–3). P. 61–84.
- Ribera N.J. de.* Descripción de la isla de Cuba. Con algunas consideraciones sobre su población y comercios. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1975.
- Rivero de la Calle M.* Supervivencia de descendientes indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente // Cuba Arqueológica. Santiago de Cuba: Editorial Oriente, 1978. P. 149–176.
- Rosenblat A.* La población indígena y el mestizaje en América. T. I, La población indígena 1492–1950. Buenos Aires: Editorial Nova, 1954.
- Tolentino H.* Raza e historia en Santo Domingo. T. I, Los orígenes del prejuicio racial en América. Santo Domingo: Editora de la Universidad Autónoma de Santo Domingo, 1974.
- Valcárcel Rojas R.* Una presencia necesaria. Indios en la Cuba colonial // Boletín del Museo del Hombre Dominicano. 2015. Num. 46. P. 177–194. http://cubaarqueologica.org/sites/default/files/rvr_2015.pdf
- Worman A.* The Historical Framework of Inter-Ethnic Relations // Race and Class in Postcolonial Society. A Study of Ethnic Group Relations in the English-Speaking Caribbean, Bolivia, Chile and Mexico. Paris: UNESCO, 1977. P. 341–354.
- Zerquera y Fernández de Lara C.* La villa india de Trinidad en el siglo XVI // Revista de la Biblioteca Nacional José Martí. 1977. Num. 2, Agosto. P. 71–94.

Research Article

Aleksandrenkov, E.G. Why Had Mestizos Disappeared in Cuba? [Pochemu ischezli metisy na Kube?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 1, pp. 153–163. <https://doi.org/10.31857/S086954150008765-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Edward Aleksandrenkov | <http://orcid.org/0000-0003-2139-7353> | ed_alex@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

African slaves, Cuba, Indians, mestizos, Spaniards

Abstract

The initial Spanish immigration to Cuba was predominantly male. Aborigines' dependent status allowed the Spaniards with impunity to take local women as concubines. When the number of Aborigines had dropped, the island began to import slaves from Africa. These, too, were mostly male and, despite the ban of the authorities, had relations with native women. African women and their daughters became partners (in some cases wives) of the Spaniards. Thus conditions were created for the continued growth of mixed population. Because of the reduction in the Aboriginal population and the increasing number of immigrants from Spain and slaves from Africa, the significance of descendants of Spaniards and Natives in the population structure of the island began to diminish; and now in Cuba, there is no socially recognized category of “mestizos”, unlike some other countries in the Americas.

References

- Aleksandrenkov, E.G. 2016. Krizis sem'i aborigenov Bol'shikh Antil'skikh ostrovov (konets XV – pervaya tret' XVI vv.) [The Crisis of the Aboriginal Family in the Greater Antilles (the Late 15th – First Third of the 16th Centuries)]. In *Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur* [Maternity and Fatherhood Through the Prism of Time], edited by N. Pushkareva and N. Mitsiuk, 2: 169–171. Smolensk; Moscow: Izdatel'stvo Smolenskogo gosugarstvennogo universiteta; IEA RAN.

- Aleksandrenkov, E.G. 2018. *Aborigeny Bol'shikh Antil'skikh ostrovov v kolonial'nom obshchestve (konets XV – sredina XVI vv.)* [Natives of the Greater Antilles in the Colonial Society (Late 15th – Mid-16th Centuries)]. Moscow: IEA RAN.
- Bashkirov, M.B. 2018. Frankoiazychnye metisy Kanady: ot diskriminatsii k priznaniyu [The Francophone Métis of Canada: From Discrimination to Recognition]. In *Sliianie dvukh mirov: Istorii, mobil'nost', status zhitelei Novogo Sveta do i posle Kolumba. Tezisy dokladov i materialy simpoziuma. VIII Mezhdunarodnyi amerikanistskii simpozium (Sankt-Peterburg, 3-4 dekabria 2018 g.)* [The Merging of Two Worlds: History, Mobility, and Status of New World Dwellers Before and After Columbus: Symposium Proceedings and Materials: The 8th International Americanist Symposium (St. Petersburg, December 3–4, 2018)], 10. St. Petersburg: MAE RAN.
- Fortes-Lima, C., et al. 2018. Exploring Cuba's Population Structure And Demographic History Using Genome-Wide Data. *Scientific Reports* 8, No. 11422. <https://www.nature.com/articles/s41598-018-29851-3>
- Gillin, J. 1949. Mestizo America. In *Most of the World*, edited by R. Linton, 156–211. New York: Columbia University Press.
- Lamar Schweyer, A. 1929. *La crisis del patriotismo. Una teoría de las inmigraciones* [The Crisis of Patriotism: A Theory of Immigration]. Gavana: Editorial Martí.
- Le Riverend, J. 1965. *Historia económica de Cuba* [An Economic History of Cuba]. Gavana: Editorial Nacional de Cuba.
- Leiseca, J.M. 1938. Apuntes para la historia eclesiástica de Cuba [Notes for the Ecclesiastical History of Cuba]. La Habana: Talleres tipográficas de Carasa y Cía.
- Leon-Portilla, M. 1979. Etnias indígenas y cultura nacional mestiza [Indigenous Ethnic Groups and the National Culture of Mestizos]. *América Indígena* 39 (3): 601–622.
- Marrero, L. 1976. *Cuba: economía y sociedad* [Cuba: Economy and Society]. T. 3. San Juan: Editorial San Juan.
- Moreno Navarro, I. 1969. Un aspecto del mestizaje americano: el problema de la terminología [An Aspect of the American Metisisation: An Issue in Terminology]. *Revista Española de Antropología Americana* 4: 201–217.
- Pérez de la Riva, J. 1972. Desaparición de la población indígena de Cuba [The Disappearance of the Indigenous Population of Cuba]. *Universidad de la Habana* 196–197 (2–3): 61–84.
- Ribera, N.J. de. 1975. *Descripción de la isla de Cuba. Con algunas consideraciones sobre su población y comercios* [A Description of the Island of Cuba: Some Considerations about Its Population and Trade]. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales.
- Rivero de la Calle, M. 1978. Supervivencia de descendientes indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente [Survival of Descendants of American Indians in the Area of Yateras, Oriente]. In *Cuba Arqueológica* [Archaeological Cuba], 149–176. Santiago de Cuba: Editorial Oriente.
- Rosenblat, A. 1954. *La población indígena y el mestizaje en América*. T. I, *La población indígena 1492–1950* [Indigenous Population and Metisisation in America. Vol. 1, Indigenous Population, 1492–1950]. Buenos Aires: Editorial Nova.
- Shemiakin, Ya.G. 2018. Metisatsiia kak osnova tsivilizatsionnoi identichnosti Latinskoi Ameriki [Metisisation as a Foundation of Latin America's Civilisation Identity]. In *Sliianie dvukh mirov: istorii, mobil'nost', status zhitelei Novogo Sveta do i posle Kolumba. Tezisy dokladov i materialy simpoziuma. VIII Mezhdunarodnyi amerikanistskii simpozium (Sankt-Peterburg, 3-4 dekabria 2018 g.)* [The Merging of Two Worlds: History, Mobility, and Status of New World Dwellers Before and After Columbus: Symposium Proceedings and Materials: The 8th International Americanist Symposium (St. Petersburg, December 3–4, 2018)], 84–85. St. Petersburg: MAE RAN.
- Tolentino, H. 1974. *Raza e historia en Santo Domingo*. T. I, *Los orígenes del prejuicio racial en América* [Race and History in Santo Domingo. Vol. 1, The Origins of Racial Prejudice in America]. Santo Domingo: Editora de la Universidad Autónoma de Santo Domingo.
- Valcárcel Rojas, R. 2015. Una presencia necesaria. Indios en la Cuba colonial [A Necessary Presence: Indians in the Colonial Cuba]. *Boletín del Museo del Hombre Dominicano* 46: 177–194. http://cubaarqueologica.org/sites/default/files/rvr_2015.pdf
- Worman, A. 1977. The Historical Framework of Inter-Ethnic Relations. In *Race and Class in Postcolonial Society. A Study of Ethnic Group Relations in the English-Speaking Caribbean, Bolivia, Chile and Mexico*, 341–354. Paris: UNESCO.
- Zerquera y Fernández de Lara, C. 1977. La villa india de Trinidad en el siglo XVI [The Indian Town of Trinidad in the 16th Century]. *Revista de la Biblioteca Nacional José Martí* 2 (Agosto): 71–94.